

RICERCHE SLAVISTICHE VOL. XXIX-XXXI - 1982-1984

RICERCHE SLAVISTICHE

VOL. XXIX-XXXI 1982-1984

41964

LICOSA - LE LETTERE EDITORE

RICERCHE
SLAVISTICHE

VOL. XXIX-XXXI 1982-1984

LICOSA - LE LETTERE EDITORE

RICERCHE SLAVISTICHE

Publicazione dell'Istituto di Filologia Slava de
l'Università di Roma «La Sapienza»

Redatte da: LIONELLO COSTANTINI - SANTE GRACIOTTI

Direttore responsabile: SANTE GRACIOTTI

Segreteria di redazione presso:

ISTITUTO DI FILOLOGIA SLAVA, FACOLTÀ DI LETTERE, CITTÀ UNIVERSITARIA, ROMA

Segreteria amministrativa: LICOSA, VIA LAMARMORA, 45 - 50121 FIRENZE

STAMPATO CON I TIPI DELLA TIPOGRAFIA S. PIO X - VIA ETRUSCHI, 7-9 - ROMA

INDICE

COMMEMORAZIONI:

	Pag.
Wolf Giusti	7
Evel Gasparini	11
Ettore Lo Gatto	17
S. TOSCANO, L' 'articolo' nel trattato slavo <i>Sulle otto parti del discorso</i>	21
T. ULEWICZ, Humanizm polski i Humanizm włoski (Punkt wyjścia i dalszy rozwój historyczny)	57
Л. СКОМОРОХОВА ВЕНТУРИНИ, Морфологическое варьирование в Житии Аввакума (На примере глагольных образований)	85
M. CICCARINI, La tradizione seicentesca delle «Facecje polskie»	107
H. LEEMING, Marsupials: their first appearance in Polish and Russian literature	147
И. Ф. МАРТЫНОВ, У истоков русской фривольной поэзии. «Декамерон» Дж. Боккаччо в России XVIII века	153
S. GARZONIO, Satira e polemica letteraria: l'epistola di E. Baratynskij a N. Gnedič	177
L. COSTANTINI, Di alcune caratteristiche della critica letteraria croata nell'età del realismo	191
A. GIAMBELLUCA KOSSOVA, La musicalità del verso di Liliev: costanti e variazioni	205
C. SCANDURA, Materiali per un'edizione critica delle liriche di Zablockij: le varianti di <i>Stolbcy</i>	247
R. GIULIANI, Demonologia e magia nel <i>Maestro e Margherita</i> di M. A. Bulgakov	269

LETTURE E DISCUSSIONI:

R. AITZETMÜLLER, <i>Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft</i> (MARIO ENRIETTI) ...	305
--	-----

M. HRASTE, P. ŠIMUNOVIĆ, R. OLESCH, <i>Čakavisch-Deutsches Lexikon</i> (ALDO CANTARINI)	308
Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол (ЛИЛИЯ СКОМОРОХОВА ВЕНТУРИНИ), ...	309
<i>Slovník české frazeologie a idiomatiky</i> (LUCIA CASADEI)	312
<i>Slovník slovanské lingvistické terminologie</i> (JITKA KŘESÁLKOVÁ)	313
<i>Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten e Schlüssel zum «Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten»</i> (SERGIO BONAZZA)	316
L. DEZSŐ, <i>Typological Studies in Old Serbo-croatian Syntax</i> (GIUSEPPE BRESCIA)	318
<i>Monumenta serbocroatica</i> (LIONELLO COSTANTINI)	319
M. PAVIĆ, <i>Istorija srpske književnosti klasicizma i predromantizma. Klasicizam</i> (LIONELLO COSTANTINI)	320
M. PAVIĆ, <i>Rađanje nove srpske književnosti. Istorija srpske književnosti baroka, klasicizma i predromantizma</i> (LIONELLO COSTANTINI)	323
J. DERETIĆ, <i>Istorija srpske književnosti</i> (LIONELLO COSTANTINI)	326
P. RUSEV, <i>Estetika i majstorstvo na pisatelite ot Evtimievata knižovna škola</i> (GIOVANNA BROGI BERCOFF)	336
<i>Nuovi studi di versificazione russa (1980-1983)</i> (STEFANO GARZONIO)	339
<i>L'avanguardia a Tiflis</i> (MICHAELA BÖHMIG)	354
G. PODSKALSKY, <i>Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988-1237)</i> (GIOVANNA BROGI BERCOFF)	356
E. SGAMBATI, <i>Il Tristano biancorusso</i> (MICHELE COLUCCI) ...	359
<i>Radegastu Parolkovi k šedesátinám</i> (JITKA KŘESÁLKOVÁ)	366
P. VAŠÁK, <i>Metody určování autorství e Literární pouť Karla Hynka Máchy. Ohlas Máchova díla v letech 1836-1858</i> (ALENA WILDOVÁ TOSI)	368
<i>Bibliografie Jaroslava Haška</i> (SYLVIE RICHTEROVÁ)	369
J. MUKAŘOVSKÝ, <i>Studie z poetiky</i> (SYLVIE RICHTEROVÁ)	371
J. ČAPEK, <i>Oheň a touha e Dvojí osud (Dopisy Josefa Čapka, které v letech 1910-1918 posílal své budoucí ženě Jarmile Pospíšilové); J. OPELÍK, Josef Čapek</i> (JITKA KŘESÁLKOVÁ)	373
SEGNALAZIONI	375

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ФРИВОЛЬНОЙ ПОЭЗИИ.
«ДЕКАМЕРОН»
ДЖ. БОККАЧЧО В РОССИИ ХУШ ВЕКА

На рубеже ХУШ столетия традиционные нормы русской жизни вступили в явное противоречие с требованиями времени. Россия, как и весь христианский мир, испытала мощное воздействие идей Ренессанса, противопоставлявших суровому аскетизму средневековой морали более глубокое и верное понимание сущности человека. Постоянно возраставший разрыв между предписаниями *домостроя* и повседневной житейской практикой, ханжеское измелъчание древнего благочестия и ослабление мистических уз феодальной общины настоятельно побуждали современников Петра I к переоценке нравственных критериев, которыми руководствовались их отцы и деды. Новая мораль, освобождая людей от бремени старинных предрассудков, открывала широкий простор для более яркого энергичного проявления человеческой индивидуальности, провозглашала право на личное счастье 'естественным', не противоречащим религиозным догмам состоянием.

Проводником и выразителем этических концепций Ренессанса на Руси стала переводная беллетристика, пришедшая сюда с Запада во всем своем жанровом многообразии. Центральное место в литературе петровского времени по-праву заняли 'краткие и замысловатые' истории, как называли у нас тогда сборники фацетий или фавль, наиболее полно воплотившие мятежный дух их создателей. Именно здесь, по меткому замечанию М. М. Бахтина, итальянские гуманисты дали решительный бой «феодальному фону и дурной условности», обратив против «лжи, пропитавшей все человеческие отношения, ... трезвый, веселый и хитрый ум»⁽¹⁾.

---

(1) М. М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Москва, 1975, с. 312.

Русским читателям пришлось по вкусу озорные новеллы об изобретательных влюбленных, где истинная страсть торжествовала над обывательскими предрассудками, а несправедливо обиженные судьбой люди, пусть хотя бы ненадолго, обретали счастье и смысл жизни. Извращенность современного общества вынуждала героев и героинь фавлью виртуозно овладевать искусством лжи, прибегая в борьбе с аморализмом к аморальным средствам. Не удивительно, что амурные похождения неверных жен и преждевременно познавших плотские радости девиц зачастую вызывали у разных читателей диаметрально противоположную реакцию. И все-таки даже самые суровые блюстители нравственности не решались встать на пути потока этой жизнелюбивой, молодой энергии; к тому же каждый из них втайне отождествлял себя не с обманутыми мужьями и отцами, а с победителями-любовниками.

Другим, чрезвычайно привлекательным для читателей свойством фавлью был их живой, образный язык, изобиловавший пословицами, поговорками и крылатыми словами, всем, чем так богата народная речь. Характерно, что, попадая на чужую почву, итальянские новеллы тут же приобретали местный колорит и органично вплетались в живую ткань литературы 'усыновившей' их страны.

Первое знакомство русской читающей публики с новеллами Боккаччо состоялось в конце XVII века, когда был переведен с польского языка сборник остроумных и нравоучительных рассказов о женском коварстве⁽²⁾. Шесть новелл из этого сборника непосредственно восходят к сюжетам *Декамерона*, хотя за годы странствий по Германии и Польше итальянские герои настолько изменили свой первоначальный облик, что их порой не узнал бы сам Боккаччо⁽³⁾. Общее направление и тематические рамки фацетийного сборника обусловили отбор для него наиболее фривольных новелл великого флорентинца, получивших здесь, по большей части, 'говорящие' заглавия-аннотации: 1) *О жене, всадившей мужа в полубочку* (УП, 2)⁽⁴⁾; 2) *О жене, обольстившей мужа, якобы ввержеся в кладезь* (УП, 4); 3) *О женах, обольстивших мужей*,

(2) О. А. Державина, *Фацетии, Переводная новелла в русской литературе XVII в.*, Москва, 1962.

(3) А. Н. Пыпин, *Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских*. Санктпетербург, 1857, с. 275-278.

(4) Здесь и далее римскими цифрами обозначается день «Декамерона», а арабскими — номер новеллы.

како муж пред женою каяся (УП, 4 и 8); 4) *О господине Петре, о прекрасной Касандре и о слуге Николае* (УП, 7)⁽⁵⁾; 5) *О друзьях Марке и Шпинелете* (УШ, 8)⁽⁶⁾. Нецензурный, особенно по тем временам, характер фацияций навсегда закрыл им дорогу к печатному станку, однако они широко распространялись в списках около ста лет, завоевав огромную популярность среди читателей-разночинцев. Несколько в стороне от других рассказов, в какой-то степени уравновешивая и оттеняя их, стоит *Повесть утешная о купце, который заложился с другом о добродетели жены своей* (П, 9) – восторженный панегирик могучей и чистой любви супруги генуэзского купца Бернабо к своему мужу⁽⁷⁾. Только случайностью можно объяснить тот факт, что эта новелла, идеально отвечавшая требованиям просветительской эстетики, не привлекла внимания литераторов и переводчиков второй половины ХУШ века.

С зарождением русской силлабической поэзии несколько фацияций подверглись стихотворной переработке, положив начало новому жанру, названному по сходству с его польским прототипом жартами. ‘Своеобразный рифмованный стих жарт’, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, был сродни скоморошьим прибауткам, ритмические традиции которых продолжали развиваться на протяжении всего ХУШ века «в балаганных представлениях, в кукольном театре, в зазываниях ярмарочных продавцов и в юмористических, не лишенных сатирической тенденции пародиях»⁽⁸⁾. Заимствуя у фацияций только общую сюжетную канву, авторы этих непритязательных стихов намеренно усиливали их комический эффект введением бытовых деталей, шуток и каламбуров, хорошо известных каждому русскому читателю. Ярким примером творческой переработки одной из популярнейших новелл *Декамерона* (УП, 2) может служить жарт *О лукавой жене*, сохранившийся до наших дней в единственном списке⁽⁹⁾. Ниже (см. приложение № 1)

⁽⁵⁾ В *Декамероне* их зовут Эгано ден Галуцци, Беатриче и Лодовико (Аникино).

⁽⁶⁾ В *Декамероне* этих неверных друзей звали Цеппа ди Мино и Спинеллоччо ди Тавена.

⁽⁷⁾ Характерно, что только в этой фацияции были сохранены подлинные имена итальянских героев.

⁽⁸⁾ В. П. Адрианова-Перетц, *Фольклорные сюжеты стихотворных жартов ХУШ века*. – В кн. *Из истории русских литературных отношений ХУШ-ХХ веков*, Москва-Ленинград, 1959, с. 50.

⁽⁹⁾ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е.

мы публикуем его с любезного разрешения впервые обнаружившей и проанализировавшей этот список Е. Д. Кукушкиной.

В середине ХУШ века русские читатели смогли, наконец, познакомиться с подлинным Боккаччо на страницах московского студенческого журнала «Доброе намерение» (1764). Характерно, что это знакомство началось с самой трагической и возвышенной новеллы *Декамерона* (У, 9) о соколе Федерико дельи Альбериги в превосходном, довольно близком к оригиналу стихотворном переводе талантливой поэта и журналиста Василия Демьяновича Санковского⁽¹⁰⁾. Прошло почти двадцать лет, прежде чем другой, не менее известный и трудолюбивый русский переводчик Василий Алексеевич Левшин (1746-1826) напечатал на средства крупнейшего книгоиздателя ХУШ века Н. И. Новикова еще одну печальную новеллу Боккаччо (IV, 5), удивительно созвучную настроениям читателей эпохи преромантизма⁽¹¹⁾. Выбирая для публикации отрывки из *Декамерона*, переводчики и издатели намеренно избегали новелл с пикантными сюжетами, чтобы не подвергнуться гонениям цензуры. Единственная попытка выпустить в свет полный корпус Бокациевых сказок, предпринятая типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в 1769-1770-х гг., не увенчалась успехом. Сохранились только сведения о предполагавшемся объеме (II печатных листов) и тираже (800 экземпляров) этой так никогда и не изданной книги⁽¹²⁾.

Салтыкова-Щедрина, Собрание М. П. Погодина, № 1777, лл. 87 об.-88. Жарт *О лукавой жене* находится в составе сборной рукописи 40-70-х гг. ХУШ в. Филигрань на листах с жартом: буквы ФСМП – соответствует № 210 (1766-1774 гг.) в альбоме М. В. Кукушкиной, *Филиграни на бумаге русских фабрик ХУШ - начала XIX в. (Обзор собрания П. А. Картавова)* (Исторический очерк и обзор Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX-XX века, Москва-Ленинград, 1958, с. 315).

⁽¹⁰⁾ *Ивана Бокация славного флорентинца Сокол*. – «Доброе намерение», 1764, март, с. 99-109. См. также в следующем номере этого журнала еще один перевод из Боккаччо – *Юпитер, звери и человек* (апрель, с. 154-156).

⁽¹¹⁾ *Повествование из десятка Боккацова*. – Б кн. *Библиотека немецких романов*, ч. 2, Москва, 1780, с. 302-309. Прозаический перевод этой новеллы на русский язык выполнен с немецкого оригинала, чрезвычайно близко к итальянскому подлиннику, за исключением имен главных героев – купеческой дочери Изабеллы (Лисбета) и ее возлюбленного Лоренцо (Лоранчо).

⁽¹²⁾ *Сводный каталог русской книги гражданской печати ХУШ века*.

Духовные и светские власти России не препятствовали распространению *Декамерона* на итальянском языке, а также во французских переводах и стихотворных переложениях Жана Лафонтена (1621-1692)⁽¹³⁾. Чуть ли не в каждой богатой библиотеке тех лет можно было найти лондонские и амстердамские издания новелл Боккаччо, пользовавшиеся благосклонностью самой императрицы⁽¹⁴⁾. Высокие цены (от 1 руб. 20 коп. до 20 руб.) и языковой барьер явно ограничивали круг их потенциальных покупателей, поэтому неимущим любителям фривольной литературы приходилось довольствоваться списками двух стихотворных и двух прозаических переложений самой остроумной и пикантной новеллы *Декамерона* - *Соловей* (У, 4).

Появление первых фривольных стихотворений на русском языке, принадлежавших перу поэтов-профессионалов, относится еще ко временам Петра I, когда московский учитель и переводчик, выходец из Германии Иоганн Вернер Паузе завоевал широкую известность как автор панегирических од и переложений псалмов. Не меньшей популярностью в интимном кружке друзей этого искусного версификатора пользовалось его эротическое послание *Красным и пригожим вдовушкам и девицам*, в котором поэт с прямотой и непринужденностью ландскнехта рекомендовал прекрасному полу доступный и приятный способ согреться в самый

1725-1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения, Москва, 1975, с. 66 (№ 412). См. также избранные афоризмы Боккаччо в кн. И. П. ЛАНГЕ, *Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии*, Москва, 1769, с. 83-84. Перевод с латинского оригинала (I. P. LANGE, *Democritus ridens sive campus recreationum honestarum, cum exorcismo melancholiae*, Amsterdam, 1655).

⁽¹³⁾ В 1788-1789 гг. петербургские книготорговцы предлагали вниманию покупателей лондонские издания *Il Decamerone di Boccace* (три тома за 3 руб.) и *Contes de Jean Boccace* (десять томов с иллюстрациями за 12 руб.), а также *Contes et Nouvelles en vers* Ж. ЛАФОНТЕНА в двух томах (1 руб. 20 коп. за лондонское издание без иллюстраций и 7 руб. 20 коп. за амстердамское издание с иллюстрациями). См.: *Catalogue des Frères Gay, Libraires, Supplément*, 1788. St.-Petersbourg, 1788, p. 9; *Catalogue des livres françois chez Charles Guillaume Muller, Libraire*, St.-Petersbourg, 1789, pp. 21, 22, 126.

⁽¹⁴⁾ Осенью 1779 г. петербургский книготорговец И. Я. Вейтбрехт, комплектуя по указаниям Екатерины II библиотеку ее 'фаворита' И. Н. Корсакова, продал ему за 20 руб. французское издание *Le Decameron de Boccace* (Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 468, оп. 1, д. 3894, л. 191).

жестокий мороз⁽¹⁵⁾. Грубость и ничем не замаскированный цинизм советов Паузе вполне отвечали духу петровского времени, однако с годами русское придворное общество научилось ценить в поэзии утонченность чувств, галантность и светское остроумие.

Первым в России к жанру любовной лирики обратился один из ведущих поэтов и драматургов эпохи Просвещения Александр Петрович Сумароков (1717-1777). Читатели-современники высоко оценили его песни, отличавшиеся тонким психологизмом, нежной чувствительностью и непривычным для русского слуха сладкозвучием. Успех этих песен больно задел самолюбие литературных противников Сумарокова, и они, каждый в меру своих сил и таланта, состязались, высмеивая «слезливого» певца роковых страстей. Именно тогда, в самый разгар острой полемики между властителями петербургского Парнаса, талантливый ученик Ломоносова, поэт, историк и переводчик Иван Семенович Барков (1732-1768)⁽¹⁶⁾ написал множество непристойных пародий на сумароковские трагедии, оды и песни, впоследствии объединив их в рукописный сборник под названием *Девичья игрушка*. Еще в гимназические годы молодой русский литератор внимательно проштудировал *Contes et Nouvelles en vers* Ж. Лафонтена и другие, не менее известные образчики французской фривольной поэзии. Не случайно лучшая из лафонтеновых сказок *Le Rossignol*⁽¹⁷⁾ легла в основу барковской сатиры *Пойманный Соловей*, столь же нецензурной, как и все его пародии⁽¹⁸⁾. Грубая, лишенная «всякого оттенка гра-

⁽¹⁵⁾ Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, 26.3.25, л. 1. По справедливому замечанию современного исследователя, Паузе выступил здесь «как предшественник рукописных стихов Баркова» (Г. Н. МОИСЕЕВА, *Неизвестные стихотворения Иоганна Вернера Паузе*. — В кн. *Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева*, Ленинград, 1976, с. 220).

⁽¹⁶⁾ Подробнее о Баркове см. Е. С. Кулякко, *Замечательные питомцы Академического университета*, Ленинград, 1977, с. 28-40.

⁽¹⁷⁾ *Contes et nouvelles en vers*, par M. DE LA FONTAINE, Nouvelle édition, T. 2, Leipsic, 1780, p. 166-173. Стихотворное переложение одной из новелл *Декамерона* (У, 4).

⁽¹⁸⁾ Отдел рукописной и редкой книги Научной библиотеки Казанского университета, № 2383, лл. 57-79 (список *Девичьей игрушки* конца ХУШ века, на бумаге с филигранью 'Pro Patria'). В собрании рукописей известного русского библиофила П. А. Ефремова хранился не дошедший до наших дней список этой сатиры, датируемый 1770-ми годами. Впоследствии историки русской литературы ХУШ века ошибочно отождествляли

ции» и «пикантности» поэзия Баркова долгое время представлялась ученым всего лишь болезненной игрой порочного ума⁽¹⁹⁾, и только совсем недавно Г. П. Макогоненко убедительно доказал функциональную целесообразность и принципиальность 'барковщины'. Дерзко штурмуя возведенный усилиями Сумарокова и его учеников 'храм' русского классицизма, поэт-бунтарь сознательно противопоставлял свои приземленно-циничные стихн рафинированной чувствительности придворной литературы⁽²⁰⁾. С годами полемическая конкретность барковских сатир была забыта, и они обрели сомнительное 'бессмертие', растворившись среди других, далеко не столь талантливых эротических песен, од и поэм конца ХУШ - начала ХІХ века⁽²¹⁾.

Впервые проникнув в Россию на страницах барковского рукописного сборника, *Соловей* Боккаччо-Лафонтена нашел здесь широкую и благодарную аудиторию. Характерно, что вскоре после кончины Баркова появился еще один анонимный прозаический перевод этой 'сказки'. довольно близкий по содержанию к французскому подлиннику. Переводчик точно, со всеми пикантными подробностями пересказал 'забавное приключение', случившееся с четырнадцатилетней Катериной и ее любовником 'Ри...' (Риччьярдо)⁽²²⁾, однако, по неизвестным нам соображениям, ему пришлось заменить крайне непристойное предисловие Лафонтена

его с более поздним переложением *Соловья* (*Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов*, под редакцией проф. С. А. Венгерова, Т. I, вып. IV, *Примечания и дополнения*, С.-Петербург, 1895, с. 5; В. В. Каллаш, *Материалы и заметки по истории русской литературы*, - «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», 1903, т. УШ, кн. 3, с. 365).

(19) С. А. Венгеров, *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых*, Т. 2, С.-Петербург, 1891, с. 152.

(20) Г. П. Макогоненко, *Враг парнасских уз*, - «Русская литература», 1964, № 4, с. 136-138.

(21) П. Е. Щеголев, *Из жизни и творчества Пушкина*. Москва-Ленинград, 1931, с. 29. См. также сатиру на одного из любителей 'барковщины' в кн. А. Е. Измайлов, *Новыя басни и сказки, также разныя мелкия стихотворения*, С.-Петербург, 1817, с. 62.

(22) Отметим, что русский переводчик назвал отца Катерины Варанбонном Бокацеем (у Боккаччо - Лицио де Вальбона, у Лафонтена - Messire Varambon), смещав фамилии автора этой новеллы и ее героя. См. у Лафонтена: «... Son père étoit Messire Varambon; Vocace ne dit point comme on nommoit la mère...» (*Contes et nouvelles en vers*, p. 167).

моралистическими рассуждениями о вреде чрезмерной родительской строгости в обращении с влюбленными девицами («Никогда времени потеря не бывает так чувствительна, как в употреблении строгости, когда девушка первое стремление любви чувствовать начинает...»). «Эта рукопись, – писал в 1788 году ее неизвестный популяризатор, – попала ко мне от торговцев торговцев старыми, ветхими книги. У переплетчика был отвратительный почерк, однако дорогая ‘почтовая’ бумага и переплет с золотым пбрезом побудили меня внимательно прочитать это любопытное сочинение, а затем, спустя некоторое время, показать его кое-кому из моих знакомых». Новелла Боккаччо, озаглавленная в русском переводе *Девушкины прогулки в ловлении ночнова соловья*, так полюбилась московскому чиновнику Михаилу Алексеичу Еропкину, что он немедленно постарался скопировать рукопись для своей обширной библиотеки⁽²³⁾.

Переписчики этого архаичного, не блиставшего особыми литературными достоинствами перевода явно не знали о существовании более удачного прозаического переложения *Соловья* на русские нравы, который был напечатан в 1785 году на средства московского купца С. Петрова типографом-коммерсантом Матвеем Петровичем Пономаревым⁽²⁴⁾. Открывая сборник фривольных рассказов новеллой о *Соловье, молодую птицеловкою пойманном*, неизвестный русский литератор конца XVIII века снабдил его сатирическим посвящением престарелой кокетке «ее блистательности Самолюбе Прикупаловне Расхожиной», явно пародирующим предисловие к *Девичьей игрушке* Баркова⁽²⁵⁾. Авторское вмешательство в текст лафонтеновой сказки ограничилось неко-

---

(23) Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, Собрание В. Н. Перетца, № 402 (11 листов). Бумага с филигранью: ‘Strasburg lily’ и фамилией владельца фабрики ‘D & C BLAUW’ – соответствует № 975 (1790-е гг.) в альбоме С. А. Клепикова, *Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства ХУП-ХХ века*, Москва, 1959, с. 79. Переплет с суперэкслибрисом М. А. Еропкина. На внутренней стороне верхней крышки переплета шифр его библиотеки: ‘Шкаф 1, полка 6, № 79’. Академик В. Н. Перетц приобрел эту рукопись 26 февраля 1924 года.

(24) *Веселая беседа*. Иждивением С. Петрова. Отделение 1. Москва, 1785, с. 1-23.

(25) См. *Приношение Белинде* в сборнике *Девичья игрушка*. – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее: ОР ГПБ), ХІУ.9.14.

торым смягчением наиболее пикантных эпизодов (особенно предисловия), введением 'говорящих' имен (Лицио де Вальбона стал небогатым московским дворянином Посредственниковым, Катерина – Прелестой, а Риччьярдо – графом Красаном) и отдельных деталей русского быта⁽²⁶⁾. Следует отметить, что поступки героев новеллы Боккаччо получили здесь наиболее убедительное обоснование по сравнению со всеми другими ее переводами и переложениями. Брак с дочерью бедного, незнатного дворянина являлся мезальянсом для графа Красана, но зато был очень выгоден его находчивому тестю.

Трудно теперь установить, почему московская цензура 1780-х годов, обычно пресекавшая попытки издания аморальных книг, допустила в печать это более чем легкомысленное сочинение⁽²⁷⁾. Причиной тому могла быть взятка, полученная полицией у богатого купца, или недосмотр цензора, привыкшего искать крамолу в мистических изданиях масона – Новикова. Публикация сборника фривольных рассказов прекратилась на первом же выпуске, и с той поры почти сто лет переложения *Соловья* распространялись среди русских читателей только в списках.

Вспоминая поэтов времен своей юности, тонкий ценитель изящной словесности князь П. А. Вяземский с особой теплотой называл имя Дмитрия Петровича Горчакова, знаменитого среди современников и потомков «скорее рукописной, чем печатной славой»⁽²⁸⁾. Отпрыск небогатого, но знатного рода, князь Горчаков (1758-1824) получил прекрасное образование, познакомившись еще в детстве с творчеством классиков французской фривольной поэзии Ж. Лафонтена и Ж.-Б. Грекура. Военная служба долго отвлекала его от литературных занятий, и только после выхода в отставку он смог, наконец, проявить свой недюжинный талант, выступив как драматург, поэт и прозаик. Читатели с интересом встретили появление в свет 'русской повести' Горчакова *Пламид и Раида* (Москва, 1796) – трогательной мелодрамы о несчастной любви молодого вдовца и его чувствительной соседки, обе-

---

(26) Так, например, Прелеста просит отца вынести ее кровать в беседку, а не на галерею, отсутствующую в московских домах (Веселая беседа, с. 13).

(27) См. сцену пробуждения Прелесты и графа Красана (Ibid., с. 22-23).

(28) В. В. Каллаш, *Op. cit.*, с. 365.

нчанной под дулом пистолета с ненавистным ей женихом⁽²⁹⁾. Глубокий психологизм и непринужденность слога были основными достоинствами горчаковской прозы, лишенной подлинно национального своеобразия. Гораздо больше примет повседневной русской жизни можно найти в комических операх Горчакова *Калиф на час* (Москва, 1786), *Счастливая тоня* (Москва, 1786) и *Баба Яга* (Калуга, 1788), где сказочная фантастика органично сочеталась с меткими бытовыми зарисовками⁽³⁰⁾. Публика знала и любила эти пьесы, однако подлинную славу их автору принесли его сатирические стихотворения, в которых поэт-гражданин смело бичевал нравственные и социальные недуги своего отечества⁽³¹⁾.

«Князь Д. П. Горчаков, действительный поэт, экзекутор при наказании сатирическим пером разврата, ябеда и грабительства», — так охарактеризовал этого мужественного человека скупой на похвалы А. Ф. Воейков в составленном им *Парнасском адрес-календаре*⁽³²⁾. Острая неприязнь к фальши и ханжеству современного общества побудила Горчакова переложить на русские нравы лафонтенова *Соловья*, изящно и остроумно высмеяв пережитки *домостроя* в сознании патриархального московского дворянства (см. приложение № 2)⁽³³⁾. Яркий и образный язык, близкий к разговорному, обилие народных поговорок и крылатых слов (*сухая ложка рот дерет* и др.), грациозная пикантность, лишенная малейшего налета пошлости и скабрёзности завоевали этому стихотворению заслуженную славу. Не удивительно, что, по свидетельству современников, горчаковский *Соловей* еще в 20-30-х годах XIX века «хранился в рукописях у всех любителей и нелюбителей российской поэзии», декламировался на студенческих вечеринках, заучивался наизусть⁽³⁴⁾.

⁽²⁹⁾ См. отзыв об этой повести в «Московских Ведомостях» (1796, № 45, 4 июля, с. 903).

⁽³⁰⁾ П. Н. БЕРКОВ, *История русской комедии XVIII века*, Ленинград, 1977, с. 264, 266-267.

⁽³¹⁾ См. стихотворения Д. П. Горчакова и комментариев к ним Г. В. Ермаковой-Битнер в кн. *Поэты-сатирики конца XVIII - начала XIX в.*, Ленинград, 1959, с. 16-35, 87.

⁽³²⁾ *Ibid.*, с. 597.

⁽³³⁾ Атрибуция этого стихотворения Горчакову не вызывает у современных историков русской литературы XVIII века никаких сомнений, хотя все горчаковские рукописи погибли во время пожара в его имении (В. В. Каллаш, *Op. cit.*, с. 365-366; *Поэты-сатирики*, с. 87, 604).

⁽³⁴⁾ В. Г. МАСЛОВИЧ, *Басни*. Издание 2-е. Харьков, 1825, с. 186. См.

До наших дней дошли два списка этого примечательного памятника русской культуры конца XVIII века. Первый из них, под названием *Соловей* (с подписью: *Из Москвы. Из Лафонтеновых сказок. П. К. Соловей. Перевод с французского*), входит в состав рукописного сборника 1801-1802 годов, вместе с материалами о коронации Александра I, многочисленными стихотворениями Г. Р. Державина и циклом сатирических стихов, среди которых следует отметить поэму *Солдатская жизнь* гренадера Измайловского полка Ивана Макарова⁽³⁵⁾, *Любовное объяснение пехотинца* С. Н. Марина, *Признание портного в любви* А. П. Беницкого⁽³⁶⁾, анонимные *Признание в любви приказного*⁽³⁷⁾ и *Стихи о праздничных обновах, сочиненные 1791 года Н. М.*, грубую сатиру в барковском духе *Блошка*⁽³⁸⁾.

Второй, значительно менее точный список *Соловья* (пропуски отдельных строк, искажение непонятных переписчику слов), обнаружен нами сравнительно недавно в собрании рукописей ученого-археографа М. И. Успенского († 1942). Судя по записям владельцев, этот рукописный конволют, составленный в начале XIX века неизвестным «полковым квартирмейстером и казначеем», был куплен петербургским любителем книжной старины на воронежском рынке в 1895 году⁽³⁹⁾. Любитель поэзии в унтер-офицерском мундире списал в свою 'заветную тетрадь' отрывки из поэм М. М. Хераскова *Россияда*, *Чесмеский бой* и *Владимир*, широко популярные тогда стихотворения Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и других сотрудников альманахов и журналов 1790-1800-х годов, а также несколько фривольных басен.

также заметки М. И. Успенского, Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, Собрание М. И. Успенского, № 124, вкладной лист.

(35) Опубликовано Г. А. Гуковским в сборнике «Литературное наследство», т. 9-10, 1933, с. 143-150.

(36) Опубликовано в журнале «Благонамеренный» (ч. 9, 1820, № 3, с. 192-193).

(37) Опубликовано в журнале «Харьковский Демокрит», 1816, март, с. 35-37.

(38) ОР ГПБ, Q.ХУП.183.3, лл. 352-367. Бумага с филигранью: Ярославский герб и год '1800'.

(39) Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, Собрание М. И. Успенского, № 124, лл. 29-36. Бумага с филигранью: Литеры 'КФ' и 'НХ' и год '1803'.

Читателями и горячими поклонниками горчаковского переложения знаменитой новеллы Боккаччо были не только безвестные студенты, чиновники и офицеры, но и создатели нового направления в русской словесности В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин. Защищаясь от ханжеских нападков рептильной критики, называвшей его поэму *Граф Нулин* безнравственным произведением, великий русский поэт приводил им в пример своего итальянского предшественника – «творца шуточных повестей» – Боккаччо⁽⁴⁰⁾. Так маленькие фривольные повести флорентийского гуманиста стали живой связующей нитью между несколькими поколениями русских поэтов, от творцов нескладных силлабических вирш петровского времени до И. С. Баркова, Д. П. Горчакова и А. С. Пушкина.

Ленинград

---

(40) А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, Т. 7, Москва, 1958, с.-187.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I – *О лукавой жене*

Случилось мужу от двора своего отойти,
А другу женину на веселие к ней прийти,
С которым она довольно веселилась,
А что муж застанет, не хватилась.
После того муж ко двору приходит
И, не зная той притчины, на двор входит.
Жена, услыша мужа своего приход,
Показывает другу скорой уход:
– Пожалуй друг мой, убирайся,
В сенях, где можно, укрывайся.
Он выбежал в сени, в полубоченок бросился
Головою на дно, а ногами вверх оборотился,
За скоростью инде ухорониться не успел.
И как муж вошел в сени – усмотрел.
– Что за фигура? – жене своей говорил.
Она отвечала: Господин мой, изволь знать,
Сей полубоченок излишней нада продать.
Этот человек с охотою ево торгует,
Того ради, нет ли в нем дыр, пробует. –
И стала говорить: Господин, изволь вылесть вон,
Так не усмотришь, крепок ли он.
Вот я воды волью, лутче усмотришь,
Ежель вода потечет, то размотришь.
Любитель вылез рад – свободился от беды –
Говорит: Он крепок, не нада и воды.
И по договору хозяину деньги заплатил
И просит, чтоб ему до двора докатил.
Муж жену не толковинну признал,
Но полубоченок и во двор другу ее катал.
Ежели женския обманы писать,
Надобно великия книги держать.

II – *Соловей*. Из Лафонтеновых сказок (Д. П. Горчакова)

I.

Была девица Катерина,
Катюша, по-просту сказать,
Собой она была картина,
Которой краше не сыскать
От стен московских до Пекина.
Родитель ее был Тарас,
А мать – не помню как звалась,
Но что за нужды до названья?
Положим, мать была Маланья,
И станем продолжать рассказ.

II.

Вошедши в юны красны лета,
Как роза в полном блеске цвета
Была собой она мила.
Вокруг ее прекрасной шеи
Любовь рассыпала лилеи,
А волос в кудри ей свила!
Над черными ее глазами
Она тончайшими чертами
Дугою брови провела –
Ну, словом, щедрыми руками
Ей в дар все прелести дала.

III.

Пролаз – фурыер команды штатной,
Детина ловкой, бойкой, статной,
Не помню где-то в первый раз
Увидел Катю и влюбился...
Шепнул ей, слова два добился –
Влюбились оба в тот же час.
Сердца их страстью запылали,
Они томились и желали –
Чего ж?... Нельзя проговорить.

Я мог бы в слова два-четыре
Все их желание открыть,
Но госпожа, котору в мире
Благопристойностью зовут,
Мне ставит запятую тут.

IV.

Как вихри веют в непогоды,
Москвы-реки волнуют воды,
Так точно пылкая любовь
В их жилах волновала кровь.
Но пользы было в том немного:
За Катей мать смотрела строго,
Старуха злая день и ночь
От ней не отходила прочь.
Спала с ней вместе на лежанке,
Да, сверх того, своей служанке
Стеречь приказывала дочь.

У.

Пролаз, в тоске развесья губы,
не мог разлуки с милой снести,
Он скалил на старуху зубы,
Хотел ее живую съесть;
Пеняя на свою судьбину,
Не ведал, чем разбить кручину,
И как любезную увезть,
Он поцелуй, бывало, сладкой
В дороге брал у ней украдкой,
Но поцелуй лишь губы трет.
А кто о девушке хлопочет,
Тот больше поцелуя хочет...
Сухая ложка рот дерет.

VI.

И так, горя бесплодной страстью,
Хотел он Катю позабыть,
Однажды с ней ему, по-счастью,
Наедине случилось быть.

– Пришло, – сказал он ей, вздыхая, –
 Пришло навек мне, дорогая,
 Тебя из мысли истребить,
 Сказать тебе всю правду-матку,
 Хочу с тоски бежать в Камчатку:
 Нет пользы мне тебя любить!
 Нельзя ли сделать, мой дружок,
 Чтоб где-нибудь я уголочек
 Имел с тобой наедине?
 Нельзя ли сделать, чтоб Маланья,
 Не зная нашего свиданья,
 От нас была б на стороне?
 Не можешь ты себе представить,
 Каких любовь мне стоит бед,
 И если хочешь ты, мой свет,
 От смерти злой меня избавить,
 То прикажи свою кровать,
 Когда пойдут все ночевать,
 На галерею переставить:
 Там можно будет вечерком
 С тобой увидеться тайком –
 Я ж дело до тебя имею,
 Которо здесь сказать не смею.

УШ.

Лукавая красotka знала,
 Какую он ей скажет весть,
 И, усмехнувшись, обещала
 Постелю к ночи перенесть.
 Трудненько у старухи в лапе
 Затеять к ночи перенос,
 Но где Амур просунул нос,
 Там точно будет дело в шляпе.
 Итак, пришла к старухе дочь:
 – Простите, матушка, не смею
 Трудить вас просьбою моею:
 Позвольте нынешнюю ночь
 Мне лечь на эту галерею.
 Здесь в доме, матушка, у нас
 Мне тараканы надоели;

Здесь блохи всю меня изъели;
Здесь средства нет заснуть на час.
Ах, если любите вы дочку,
Пустите спать меня в садочку,
Там лягу в чистый воздух я,
Притом услышу к вечерочку
Приятны песни соловья.

X.

Старуха, слыша то, склонилась
На просьбу дочери своей,
Но прежде мужу изъяснилась
О новой переборке сей.
Пришедши к своему седому,
Сплела она такую речь:
– Катюша просится из дому
На чистый воздух перелечь.
Ей хочется на галерее
Послушать песни соловья...
– Как хочешь, воля в том твоя!
Послушай, жenuшка моя, –
Сказал старик в ответ Маланье, –
Нимало не проивлюсь я
Исполнить дочери желанье.
Ты знаешь то давно сама,
Что дочь люблю я без ума,
И ей ни в чем не прекословлю,
Хоть ляг себе она на кровлю –
Я рад для дочери своей
Все сделать то, что любо ей.

XI.

Красотка наша в восхищеньи,
Такое слыша позволенье,
Постелю вмиг перенесла,
Потом Пролазу знать дала,
Чтоб он один во мраке ночи
Предстать изволил ей пред очи.
Любовник не был Фалалей.

Лишь ночь желанна наступила
И черной епанчей своей
Московски стены все покрыла,
Он, как стрела, пустился к ней,
Где должно, лестницу подставил
И к милой путь по ней направил,
Пролаз проворнее, как мог,
И прямо к ней в постелю лег...

ХП.

О, сколько нежных целований
И сладостнейших вздыханий
Ночная тьма скрывала тут!
Но мне излишний будет труд
Вам все рассказывать подробно,
И вряд ли чье перо способно
Люби утехы изъяснить!...
Нет! Никакой пиит, ни гений
Любовных страстных восхищений
Не может кистью описать...
Однако ж, полно рассуждать,
А то конца не будет сказке,
Приступим поскорей к развязке...

ХШ.

У Кати соловей в руках,
Он очень мил в ее глазах.
Когда он песни запекает,
Она в восторгах утопает.
Пред ним лесные соловьи
Для ней вороны, воробьи.
Он пел плутишка до рассвета.
— Ах, как люблю я птичку эту, —
Катюша лежа говорит. —
От ней вся кровь во мне горит!

ХІУ.

Меж тем Аврора выходила
И тихо-тихо выводила

Из моря солнце за собой.
– Пора тебе, мой друг, домой, –
Пролазу Катя говорила, –
Пора расстаться мне с тобой.
Но он любовью утомленный,
Ослабший, сонный, истощенный,
Прилег любовнице на грудь,
И так случилось им заснуть.

XV.

Отец, к восходу солнца вставши,
Пошел, ни слова не сказавши,
Проведать, как любезна дочь
Спала под небом первую ночь.
На галерею он приходит
И дочь в глубоком сне находит.
Ах, лучше бы ушел он прочь!
Она с любовником лежала
Без простыни и одеяла,
За тем, друзья, что к той поре
Великий жар был на дворе.
В руке она своей держала
Ту вещь, котора у мужчин
Для важных спрятана причин,
Ту вещь... ах! Как бы перед вами
Назвать пристойными словами...
Ту вещь, я право затруднен:
Вещь эта есть тот самый член,
Который послужил Адаму
Из Евы девы сделать даму.

XVI.

Отец глазами дочку мерил
И сам глазам своим не верил,
Но, наконец, преодолев
Жестокий свой отцовский гнев,
В свою он спальню возвратился
И тут к Маланье обратился:
– Вставай, жена! Ну, ну, вставай!
Скорей, – сказал, – за мной ступай!

Я не дивлюсь, что дочь моя
Хотела спать на галерее
И слушать песни соловья.
Она его подстерегла
И, к счастью, наконец, поймала;
Он бедненький в руке у ней.

ХУП.

– Ах, что я слышу, – мать сказала. –
Ужли она его поймала.
Посмотрим, что за соловей.
Скажи, что он, хорош собой,
И где он гнезда вьет весной,
Каков он, мал или велик?
– Изрядный, – отвечал старик.

ХУШ.

Мать с радости благословенье
Любезной дочке понесла,
И вот уж к ней она пришла.
Какое для нее явленье!
Досада, злоба, удивленье
На лбу явились у ней
И сморщили всю рожу ей,
Когда на соловья воззрилась,
Которого в руке держала дочь,
И, глядь, во всю завыла мочь.

ХІХ.

Вскипела, вспыхнула, вздурилась
И, как чертовка, разъярилась,
Не знала, что тогда начать,
Она дочь стала величать
Распутной, сукой непотребной,
Молила, чтобы жезл огненной
С любовником бы их пожрал,
И в тартары их дьявол взял,
Хотела в харю им ввязаться,
Но муж ей фигу показал.

– Зачем, жена, ты лезешь драться
С любовным духом, – он сказал. –
Теперь уже беда свершилась,
И девства дочь уже лишилась,
Хоть ты себе кричи, бранись,
Хоть дочери в глаза вцепись,
Уж тем ты дела не поравишь,
А только кутерьму составишь.
Нам должно в случае таком
Тихонько все к добру наладить.
Пошли скорее за попом,
Я с ним хочу беду загладить,
Которая срамит наш дом.
Меж тем любовник наш проснулся
И, видя солнце, ужаснулся.
– Ах, милая, – воскликнул он, –
Боюсь, чтоб не был мне трезвон,
Нас день застал с тобой в постели,
Не знаю, как уйти отселе.

XX.

– Здесь не обидит вас никто, –
Отец в ответ ему на то, –
Все будет ладно между нами.
Напрасно господин Пролаз
Я стал бы гневаться на вас
И мстить вам бранными словами.
Все то, по мненью моему,
Служить не будет ни к чему.
Вы в том должны признаться сами,
Что крайне я обижен вами.
И так, чтоб черт не ссорил нас,
Чтобы на веки помириться,
Извольте вы при мне сейчас
На дочери моей жениться,
Не то вы, господин Нарцисс,
Отсюда головою вниз
На двор в минуту полетите...
Ну, выбирайте, что хотите!

Когда вам жизнь еще мила
И не постыла совершенно,
То должно грешные дела
Вам браком кончить непременно.
Неужель захотите вы
Сегодня быть без головы?
Нет, это неприятно слишком . . .
Пролаз детина был с умишком,
Не захотел он променять
На смерть любезную девицу,
Не согласился он принять
На место сахара горчицу –
А вот что он сказал отцу:
– Я рад идти сейчас к венцу.
Дочь ваша молода, прекрасна,
Ей вся душа моя подвластна,
Итак, чего же медлить нам?
Ин хлопнем, батька, по рукам.
Глядишь – и свадебку сыграли.
Всяк стал доволен, наконец.
– Пришло все в лад, – сказал отец, –
Теперь не унывайте, дети:
Уж соловей попался в сети.

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им.
М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q.ХУП.183.3, с. 352-367.

The article begins by discussing the importance of translations for the diffusion in Russia of the new vision of life based on the ideas of the Renaissance. Humanistic witticisms play a part of fundamental importance in this sphere. Boccaccio begins to be known in Russia in the second half of the seventeenth century with the translation into Russian of five *novelle* from the *Decameron* (VIII: 2, 4, 7, 8, VIII: 8) together with a group of so-called 'Polish witticisms'; the same century saw a reworked translation (again from the Polish) of Boccaccio's *novella* of Bernabò. In the following century some prose witticisms are reworked in isosyllabic verses, called 'žarty' in Polish style, among them *O lukavoj žene*, which reproduces *Decameron* VIII: 2. In the second half of the eighteenth century two translations of single *novelle* from the *Decameron* are published: V: 9, translated by V. D. Sankovskij (in "Dobroe namerenie", 1764) and IV: 5 by V. A. Levsin (in *Biblioteka nemeckich romanov* II, 1780). While plans to publish the whole *Decameron*, already ready for the press in 1769-70, fall through, the work becomes increasingly known in Russia in the original Italian and in French translation. Particularly interesting are the vicissitudes of *novella* V: 4 of the *Decameron*, which reached Russia in Lafontaine's French reworking, *Le rossignol*. Four Russian versions are known to us: two in verse, *Pojmannyi solovej* by I. S. Barkov, composed some time in the 70s, and *Solovej* by D. P. Gorčakov, composed at the end of the century; and two in prose, the anonymous *Devuškinj progulki v lovlennj nočnoga solov'ja*, posterior to Barkov's poem, and *Solovej, molodoju pticelovkoju pojmannyi*, published anonymously in 1785 (the only one of the Russian derivations of *Le rossignol* to reach publication.) The author of the article dedicates particular attention to the literary merit of Gorčakov's *Solovej* and its fame in the early decades of the nineteenth century. It was in fact known and esteemed by writers such as Žukovskij, Batjuškov and Puškin: the latter defended his own *Graf Nulin* from hypocritical attacks by citing the 'playful' Boccaccio as precedent. An appendix furnished the hitherto unpublished texts of the 'žart' *O lukavoj žene* (datable to some time between the 1740s and the 1770s) and of D. P. Gorčakov's *Solovej*.

Nell'articolo si parla anzitutto del ruolo della letteratura tradotta per la diffusione in Russia di quella nuova visione della vita che trae le sue origini dalle idee del Rinascimento. Un posto centrale occupa, in questo campo, la facezia umanistica. La fortuna del Boccaccio in Russia comincia nella seconda metà del sec. XVII, quando cinque novelle del *Decamerone* (VII, 2, 4, 7, 8, VIII, 8) sono tradotte in russo insieme con una raccolta di cosiddette 'facezie polacche'; dello stesso secolo è la traduzione rimaneggiata, sempre dal polacco, della novella boccacciana di Bernabò (II, 9). Nel secolo successivo la materia di alcune facezie prosastiche è rielaborata in versi isosillabici, detti alla polacca 'žarty': tra essi è *O lukavoj žene*, che riproduce Dec. VII, 2.

Nella seconda metà del sec. XVIII appaiono in stampa due traduzioni di singole novelle del *Decamerone*: di Dec. V, 9 ad opera di V. D. Sankovskij (in «Dobroe namerenie», 1764), di Dec. IV, 5, ad opera di V. A. Levšin (in *Biblioteka nemeckich romanov*, II, 1780). Fallisce invece la pubblicazione dell'intero *Decamerone*, già preparata per la stampa negli anni 1769-1770. Si diffonde tuttavia la conoscenza in Russia del *Decamerone* in originale italiano e in traduzione francese. Singolare fu infine la fortuna di una novella del *Decamerone* (V, 4) passata in Russia attraverso il rimaneggiamento francese di Lafontaine, *Le rossignol*. Di questo conosciamo quattro versioni russe; due sono in versi: *Pojmannyj solovej* di I. S. Barkov, composto attorno agli anni '70, e *Solovej* di D. P. Gorčakov, composto alla fine del secolo; e due sono in prosa: una composizione di anonimo, posteriore alla poesia di Barkov, *Devuškinj progulki v lovlennij nočnoga solov'ja*, e *Solovej, molodoju pticelovkoju pojmannyj*, composizione anonima stampata nel 1785: è l'unica stampa tra le composizioni russe derivate da *Le rossignol*. L'autore si sofferma in particolare sul valore letterario del *Solovej* di Gorčakov e sulla sua fama nei primi decenni del sec. XIX: fu infatti conosciuto e apprezzato da scrittori come Žukovskij, Batjuškov, Puškin; quest'ultimo difendeva il suo *Graf Nulin* dagli attacchi degli ipocriti, rifacendosi all'esempio dello 'scherzoso' Boccaccio. In appendice l'autore dà i testi - ambedue inediti - dello 'žart' *O lukavoj žene* (anni '40-'70 del sec. XVIII) e del *Solovej* di D. P. Gorčakov.
